

Татьяна ЯСНИКОВА (г.Иркутск)

* * *

Блеск статуй в безлюдное утро —

Луны потускневшей посланье.

Голубю хлебные крошки

Пахари не бросают.

Нищие исполняют

подобное исполанье.

Мимо мира проносят

Чьи-то тела к лимузинам.

Хлебные крошки не бросить

Под колеса машинам.

Мир наполняется светом.

Солнце на ликах статуй.

* * *

Не могут над белым полем

Черные дни колдовать.

Ночи придут с луною

Белый табун подковать.

Не шелохнется ветка,

Не числа своих времен.

Вспыхнет гроза рассвета —

И сгорбится под мостом.

Самое лучшее время —

Тенью речной журчать.

И, завернувшись в темень,

Лучшее вспоминать.

К портрету Г.Г.

Он все блуждал во мгле ночной,

Блуждал во мгле дневной.

И Бога вечного узрел,

Молился и лицом бледнел

И ночью виден стал —

И Бог его забрал.

Теперь с блуждающей луной

Он ходит, как с иной женой,

И неживою стороной

Ее он восхищает.

Его живая сторона

Неясна и всегда бледна,

Другим не обещает.

Он столько девам изменял

Бог это видел и сказал:

Пусть льдиной проплывает.

Так север в льдинах и ветрах

Хранит мечты цветочный прах

И этим привлекает.

И ледниковая вода

Сама любовь, но никогда

Сойти не обещает.

Рассвет за плотиной ГЭС

Фольгою дрожат фонари,

Истекая в морозную сырость.

Час один до зари,

Но такое под утро приснилось.

Вся скорбь мировая

Фольгою летит с парашюта.

Она неживая —

А скоро холодное лето.

На запад печально идти,

Прикасаясь к перилам.

И ветер трепещущей птицей притих.

Ударило солнце в затылок.

А сумрачно как —

Несмотря на сиянье восхода.

И тени длинные, но длиннее река,

Уносящая воды.

И так без конца —

Нет конца холодам и печали.

Когда же, когда

Я пойду на восток, как в начале.

23 февраля в деревне

Белым метет без конца, мечет на север и юг.

Меч распластался в земле, упавший из русских рук.

Тогда — а метет по сей день, к белой луне взывая.

Метет на восток и на запад в белые дни без края.

В белом тумане в дымке запруженной — души в пути.

Плотину прорвало, но слов разобрать, разнести

Нельзя, невзирая на то, что метет и метет, — метет.

В воздухе белое поле на юг и на север несет.

На запад и на восток, все поглощая мысли о счастье.

Близко чрезвычайно и дорого это ненастье

Живым и погибшим, и судеб лавину прельщает.

Летите, роитесь, душа повсеместно большая.

Охватит и дни, и молчание, и это метанье метели.

Уже мы разгадку нашли мироздания, приблизились к цели.

Лавиной опустится день, племена и народы — накрыты.

И вот — снег,

И кони мохнатые роют под северным ветром копытом.

Тени на снегу

Дней череда, выразимая в речи сомнений,

Чересполосица теней на синем снегу.

Все убыстрится к цели вечерней движенье

В дом просквозить мимо теней на бурном бегу.

В детстве была к ним близка я всем ростом небольшим.

К снегу, к траве и к воде, источаемой холодом лет.

Кони косматые прыскали к Дону и к Польше —

Тень на восток, и другого, невечного, нет.

Величина расстоянью дороги подобна.

О, я прошла, вот и мой увеличился смысл.

А во дворе единение тихой погоды

С множеством выпавших на землю крошечных числ.

Я на пятерку пишу, притоптав миллиарды снежинок

В этом и в том неподвижно застывших садах.

Тени стволов чередой набегают на спины.

Сколько нас много — о, это ступает весна...

Из Бодайбо

1

Из некоторых ощущений

Ваяю свои стихи.

Всё пространство вмещений

Пронзаю, как розовый щит:

Меркнет. И скальные горы,

Которые только мои,

Не отдают простору

Ни капли своих молитв.

Над ними домой я летела.

Зияли пропеллеры крыл.

И мысли огромное тело

Кипящий восток вместил.

Она о том, что повсюду,

Мгновенно и навсегда

Иллюзии новые будут

Глубокие, как вода.

Байкала, что праздно замер,

Качнув планетарный полёт.

Он полнит природу-праматерь,

Которая им цветёт.

И я, сквозь оконный иней,

Всею мглой понимаю всех,

Своё первородное имя

Скрывших, как первый грех.

Сказали мне скальные лазы,

Не знающие людей,

Дикие и неназванные,

Что скоро заря декабрей,

Дающая свежий румянец

На изморозь горных щёк.

А детям атласный глянец —

Сжигающий вечность Бог.

Синий вечерний листок

Колеблемый, ровный и гладкий —

Это подъёма итог

На высоту тетрадки.

Змейкою горные реки

Да редко неясности туч

Тонут в уме сумеречном,

Взявшем уступы круч.

Ровно и беспощадно

Гуденье моторов над

Пустой голубиной площадкой

С признаком горных гряд.

Привязанности утратив

Над тёмным провалом вод,

Летит над синей тетрадью

Мой винтовой самолет...

Ах, мне бы не приземлиться!

Ах, мне бы не сесть никогда!

И ровно-ровно стремиться

В далёкое никуда!

Я буду, я буду бездомно

Лететь над Землёю могил!

И принимать огромно

Что облачный мир вместил!

И я никогда не увижу

Ни лживых, ни скверно-пустых.

Всевластия не унижу,

Двигаясь выше других.

Клонись над тайгою тетрадка,

На землю слезами пролей

Весь космос с щемящей загадкой

Невозвращения дней.

3

Цветов нерождённых вместилище,

Сверкающий, как апельсин,

Под сочной луною в узилище

Пролился хрустящий кувшин

Севера. Инеем камни покрылись,

Река – нарративным льдом.

Белые апельсины

На полюсе холодов.

Прыгают весело совы.

Праздник незримых роз

Сыплет за кованный ворот

Добрый безмерный Мороз.

* * *

Брусничный лист,

Черничный лист,

Да каменные тропы.

Дарителю — с ладонью вниз

Усмешка мизантропа.

Не отгони как тихий бред,

Туч комаров от лица.

И так и так лучистый свет

Корням кедровым снится.

Верстами скальными бегут

Серебряные слёзы.

И так и так они придут —

По стланику морозы.

Подай дарителю покой.

Здесь труд его не нужен.

Под распростертою рукой

Лишайники да лужи.

Ты, видно, царь: живёшь один.

Никто не упрекает.

Как в Риме — время в мире льдин,

Как мир, тихонько тает.

Сюда жить люди не придут.

И даже Прометеи.

Им всё — один напрасный труд,

Напрасная затея.

Так гордо и привольно здесь,

Что хочет сердце биться.

Поставь рассеянный свой крест,

И тот вдруг окрылится.

Как хорошо вспоминать

С улыбкой мизантропа

Дарителя, что движет вспять

По ледникам и тропам.

* * *

Скованы мы и угрюмы?

— В рабстве или в плену...

В пропасть кидается с шумом

Вода к каменистому дну —

Из мраморов и базальтов,

Что сами мрачнее себя.

Как рожи летели в азарте,

Стукаясь и грубя.

И получилась темень

Из тяжелейших их.

Лилий упавшее семя

Подхватит чистый родник.

Не сам Микеланджело, а

Из Фра Анжелико люди

Послушно спешат из жерла,

Хомо хомини люты.

Кто мысль о свободе им

Внушить помогал успешно?

Падают в облачный дым,

Бьются на молнии трещин.

Свобода есть смерть всегда,

А смерть — обретенье свободы.

Пусть пенится эта вода

У самого узкого схода.

Когда минуешь его —

То всё несказанное встретишь...

Куда, каменистое дно?

Куда ты, звездочка, светишь?

* * *

Солнце восходит над черной отеческой грязью.

В двери узилищ ведет ослепленный народ.

Пасквилей серых завьюжено плотною вязью,

Желтый съедает бисквит, голубой бутерброд.

Значит, луна заглянула на летние голые плечи.

Во тьмах сиреней цветет необъятный букет.

Вдруг покатилося в кустарники солнца колечко

С чьей-то руки золотиться Вселенной в ответ.

Последний день в ИДЛ

Целый день лимонные листья.

На мокром клене лимонные листья

Сказочно легкие. Пойду и потрогаю

Сказочно легкие лимонные листья

На мокром клене.

Вечером в серых сумерках

Колокол звонит.

MsoNormal